Научная статья

УДК 001

doi: 10.17223/1998863X/68/22

КОГНИТИВНОЕ РАЗНООБРАЗИЕ КАК ОБЩЕСТВЕННОЕ БЛАГО

Ольга Евгеньевна Столярова

*Межрегиональная общественная организация «Русское общество истории
и философии науки», Москва, Россия, olgastoliarova@mail.ru*

Аннотация. Статья продолжает обсуждение поднятой И.Т. Касавиным проблемы эффективного управления наукой как территорией когнитивной свободы. Рассмотрен ряд теоретических коллизий, которые сопровождают концепт эффективной науки. Поставлены вопросы о правомерности оппозиций между когнитивным разнообразием и общественным благом, научной автономией и социализацией знания, государственным регулированием науки и когнитивной свободой. Показано, что когнитивное разнообразие выражается не только плюрализмом научных сообществ, но и плюрализмом социальных и когнитивных позиций внутри научных сообществ. Раскрываются теоретические условия, при которых сегодняшняя наука с ее когнитивным разнообразием может считаться общественным благом.

Ключевые слова: наука в обществе, когнитивное разнообразие, общественное благо, научные сообщества, управление наукой

Благодарности: исследование выполнено при финансовой поддержке Российского научного фонда, проект № 19-18-00494 «Миссия ученого в современном мире: наука как профессия и призвание».

Для цитирования: Столярова О.Е. Когнитивное разнообразие как общественное благо // Вестник Томского государственного университета. Философия. Социология. Политология. 2022. № 68. С. 218–223. doi: 10.17223/1998863X/68/22

Original article

COGNITIVE DIVERSITY AS A COMMON GOOD

Olga E. Stoliarova

*Interregional Non-Governmental Organization “Russian Society for History and Philosophy
of Science, Moscow, Russian Federation, olgastoliarova@mail.ru*

Abstract. The article continues the discussion of the problem raised by I.T. Kasavin of effective management of science as a territory of cognitive freedom. A number of theoretical collisions that accompany the concept of effective science are considered. The author focuses on the oppositions between cognitive diversity and the common good, scientific autonomy and collectivization of knowledge, state regulation of science and cognitive freedom. The concept of cognitive diversity is replacing the traditional modern view of science as a universal codified knowledge, neutral in relation to private interests and material realization in products and services. Today’s science is characterized by a high degree of material and social involvement, which leads to external and internal cognitive diversity. External diversity is expressed by the multiplicity of relatively autonomous research teams competing with each other for resources. Internal diversity refers to the pluralism of social and cognitive positions represented within a research team. In the context of M. Callon’s argument (1994) and the discussion in *E&PS* (2020), the question is asked under what theoretical conditions today’s science with its cognitive diversity can be considered a common good. It is shown that institutional or individual autonomy in science is not always equivalent to the pursuit of private interests. At the same time, the state affiliation and state funding of science are not automatically translated into cognitive universalism and a fair distribution of knowledge. It is also shown that the relationship between cognitive diversity and scientific autonomy is far from unambiguous. If the external form of cognitive diversity

seals scientific communities, then the internal form, on the contrary, destroys their tightness due to the penetration of extra-scientific actors into these communities. The internal permeability of the boundaries of scientific communities contributes to the collectivization of scientific knowledge and increases the responsibility of society for evaluating scientific results and supporting science as a common good.

Keywords: science in society, cognitive diversity, common good, scientific societies, management of science

Acknowledgments: the research was supported by Russian Science Foundation. Project No. 19-18-00494 “The mission of the scientist in the modern world: science as profession and vocation”.

For citation: Stoliarova, O.E. (2022) Cognitive diversity as a common good. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Filosofiya. Sotsiologiya. Politologiya – Tomsk State University Journal of Philosophy, Sociology and Political Science*. 68. pp. 218–223. (In Russian). doi: 10.17223/1998863X/68/22

Наука как институционально организованное, систематически добываемое, intersubъективное знание о мире представляет собой главную движущую силу развития общества. Общественно значимые цели подкрепляются авторитетом науки; средства их достижения добываются наукой (и техникой). Если представить общество в виде коллективного субъекта, то наука, по-видимому, должна мыслиться как его мозг, а результаты науки – как общественное благо: материальные и духовные ценности, разделяемые всеми с пользой для всех.

Концепция науки как общественного блага предполагает, что научное знание является пропозициональным и носит универсальный характер обоснованного истинного мнения. Как таковое, оно принадлежит всем членам человеческого коллектива в равной степени и не может быть предметом купли-продажи для удовлетворения частных нужд [1]. Эти идеи, в свою очередь, питаются традиционным, сформировавшимся в эпоху Просвещения, философским представлением о внутреннем единстве индивидуального рационального субъекта и монолитности коллективного рационального субъекта – общества. В XX в. эти идеи и представления меняются на противоположные. После Ницше и Фрейда, Хайдеггера и Мерло-Понти индивид предстает как узел конфликтующих между собой стихийных сил и многочисленных идентичностей, экстатических переживаний и разнонаправленных устремлений. Не ясность и логическая строгость теоретического знания о мире, а запутанность и непредсказуемость практической вовлеченности в мир становятся отличительными признаками познающего человеческого существа. Индивидуальный плюрализм экстраполируется и на общество в целом, несводимое разнообразие которого подчеркивают современные социологи и антропологи.

Идеи когнитивного разнообразия распространяются и на науку [2, 3], причем, так же, как и в эпистемологических исследованиях познающего субъекта, плюрализм научного знания связывается с переориентацией на практический результат. Это убедительно показывает Е.В. Масланов [4, 5], раскрывая специфические черты сегодняшней науки – «постнауки», или технонауки – по сравнению с наукой в традиционном (восходящем к эпохе Просвещения) понимании. В отличие от науки, ориентированной на универсальную рациональную коммуникацию и внутренне согласованное знание, постнаука характеризуется выраженным плюрализмом. Дело в том, что постнаука, по причине глубокой вовлеченности в экономику, политику и технологии, функционирует в ассоциациях людей и вещей. Они образуют коллективы, каждый из которых защищает свои познавательные результаты для достижения собственных утилитарных

целей. Эти коллективы больше не стремятся достичь всеобщего согласия на основании универсальных познавательных критериев. Вместо этого они стремятся преуспеть в конкурентной борьбе за «рынки сбыта», т.е. за внедрение результатов своих исследований в общественную жизнь. Соответственно, исследовательские цели, ценности, методология, внутренняя и внешняя экспертиза варьируются в зависимости от принадлежности тем или иным научным коллективам и их локальным задачам. Размывание границ между теоретической и практической деятельностью приводит к тому, что внутри научных коллективов смешиваются роли ученых, инженеров, экономистов, организаторов науки, политиков и т.д. Иногда один и тот же человек выступает в разных ипостасях, совмещая стратегии и тактики, направленные на решение задач, преодолевающих пределы теоретической и экспериментальной работы в строгом смысле этих терминов. Другой родственный феномен, получивший название «разделение научного труда» [6], заключается в том, что над одной задачей и в одном коллективе работают не только ученые, но и инженеры, экономисты, организаторы науки, политики и т.д. «Ученые выходят из „башни из слоновой кости“ и погружаются в пучину взаимодействия с огромным количеством внеаучных акторов» [4. С. 119].

Итак, говоря о когнитивном разнообразии сегодняшней науки, мы должны иметь в виду два его модуса – внешний и внутренний. Внешний модус выражается в сосуществовании относительно автономных (и даже в каком-то смысле герметичных) научных коллективов. Будучи вовлеченными в экономику и политику, они неизбежно конкурируют друг с другом за ресурсы и не заинтересованы в объединении. Внутренний модус выражен плюрализмом в самих исследовательских коллективах, в которых представлены различные социальные позиции (профессиональные, классовые, гендерные, национальные, демографические и т.д.). Эти позиции определяют разнообразие получаемых в коллективе познавательных результатов и способов их получения, оценки, распространения и использования.

Но недостаточно описать и зафиксировать внешний и внутренний плюрализм науки. Желательно попытаться ответить на вопросы нормативного характера. Должна ли наука обладать когнитивным разнообразием? Выигрывают ли наука и общество от плюрализма познавательных методов, исследовательских позиций и результатов? [7]. Этот вопрос может быть задан в несколько иной, расширенной форме: допустимо ли считать современную нам науку (с ее когнитивным разнообразием) общественным благом?

Сегодня вопрос о науке как общественном благом стоит на повестке дня социальной эпистемологии и междисциплинарных исследований науки (*science studies*). Например, в недавней дискуссии в журнале *Эпистемология и философия науки* [8–11] в кругу внимания авторов находится противопоставление автономных научных коллективов государственной науке. Финансирование последней, по определению, должно учитывать интересы всех граждан. Что же касается автономных коллективов, то они выживают и продвигаются вперед за счет других, в конкурентной борьбе. К этим независимым коллективам можно добавить и относительно нового фигуранта, пополняющего палитру социального и когнитивного разнообразия науки – научного прекария, «ученого удачи» (Касавин, *наст. изд.*), связи которого с институционально оформленной познавательной традицией гораздо слабее, чем у его коллег, имеющих полную гарантированную занятость.

Казалось бы, все достаточно ясно. Знание, которое становится рыночным продуктом и предметом личной материальной заинтересованности, автоматически перестает быть общественным благом и в этическом, и в экономическом смысле данного термина. Столкновение частных интересов в борьбе за знание-товар несовместимо с признанием результатов интеллектуального труда универсальной, общечеловеческой ценностью, которая, наподобие декартовского здравомыслия, справедливее всего распространена в мире. Однако при более подробном рассмотрении возникают определенные трудности с сохранением строгой оппозиции между когнитивным плюрализмом и частным интересом, с одной стороны, и единством национализированного (коллективизированного) знания – с другой. Институциональная или индивидуальная автономия в науке далеко не всегда равнозначна преследованию частных интересов, а государственная принадлежность и государственное финансирование науки не переводятся автоматически в когнитивный универсализм и справедливое распределение знания. Так, описанный И.Т. Касавиным типаж – научный прекарий, не стесняемый институциональными рамками (парадигматический пример, приведенный Касавиным, – Диоген), способен реализовать универсальную ценность знания ради знания именно в силу своей автономности. Если же говорить о государственной научной политике (даже демократических государств), которая всегда связана с распределением ресурсов, то она не может не носить селективный и ограничивающий характер. На данное обстоятельство указывает и Касавин, отмечая «контроверзу государственного управления наукой и свободы научного исследования» (Касавин, *наст. изд.*).

Необходимо также понимать, что отношения между когнитивным разнообразием и научной автономией далеки от однозначности. Пусть внешняя форма когнитивного разнообразия герметизирует научные сообщества, превращая их в конкурентов за ресурсы и «рынки сбыта». Однако внутренняя форма, напротив, разрушает их герметичность за счет проникновения в эти сообщества венаучных акторов, репрезентирующих разнообразные социальные слои, группы и их интересы. И если концепция знания как общественного блага утверждает, что знание должно быть доступно всем без исключения, то такая форма когнитивного разнообразия не несет угрозы общественному благу, но вполне с ним соотнобразуется. Напротив, универсальное знание, *знание одинаково значимое для всех*, часто оказывается приватизированным именно в силу его универсальности. Здесь речь идет в первую очередь об идеологии, об использовании научного знания в целях достижения политической власти. Существуют и хорошо знакомые нам экономические формы приватизации научного знания – патентное право, авторское право, закрытые для широкой публики хранилища информации, частные образовательные учреждения и т.п.

Научное знание – это вещь, – заявил в конце прошлого века французский социолог и экономист Мишель Каллон [12. Р. 402]. Оно материально, имеет определенную пространственно-временную локализацию; его распространение – это физический и технологический процесс. Следовательно, оно не может считаться общественным благом в строгом экономическом смысле данного термина, так как не обладает свойствами неконкурентности и неисключаемости. Люди, создающие и использующие вещественное знание, создают и условия, ограничивающие доступ к нему. Важно сказать, что Каллон выступает не только критиком идеи универсального знания, образцом которого традиционно счи-

тали науку, но и критиком зауженного понимания общественного блага. Образ науки, который рисует Каллон (инспирированный результатами междисциплинарных исследований науки), отличается от традиционного: «Правила, обычаи, культурные формы и отношения с вещами варьируются от одного коллектива к другому. Разнообразие и локальность находятся в центре науки» [12. Р. 418]. Дилемма, на первый взгляд, очевидна. Научное знание универсально (но оно не универсально) или оно не является общественным благом. Однако Каллон обходит данную дилемму, утверждая, что научное знание является общественным благом как раз в силу того, что оно приносит в общество разнообразие и гибкость. Аргумент Каллона (в общих чертах) следующий. Если наука производится не абстрактным познающим субъектом, а конкретными людьми (телесными субъектами) в разнообразных культурных средах и материальном окружении, то продвижение науки и ее общественная роль напрямую зависят от свободы строить связи и вступать в новые ассоциации людей и вещей. Чем больше связей и отношений между акторами, тем больше разнообразия и тем меньше опасность монополий, вооруженных универсальным знанием и блокирующих инновации. Материальная вовлеченность, частные интересы, индивидуальная и коллективная автономия работают на общественное благо: они увеличивают когнитивное разнообразие и, в конечном счете, препятствуют приватизации знания.

Этому аргументу Каллона уже почти тридцать лет, и он имеет долгую историю обсуждения и критики с разных позиций, как экономических, так и политических, социологических и философских. Тем не менее этот аргумент остается актуальным и сегодня, хотя, по прошествии времени, он представляется уже не таким революционным. Мы можем сколько угодно благодушествовать по поводу разнообразия, но, к сожалению, и оно не способно само по себе привести нас к умножению и поддержанию общественного блага, поскольку оно не предохраняет нас автоматически от различных форм неравенства и несвободы. Поэтому я думаю, что предписание, которое формулирует И.Т. Касавин в конце своей статьи, – «...Управлять свободной наукой – как скакать на умном коне. Отдай ему поводья, и он все сделает сам» (Касавин, *наст. изд.*) – базируется на слишком оптимистичных представлениях. Я бы согласилась, скорее, со Стивом Фуллером, который в вышеупомянутой дискуссии утверждает, что если наука должна быть общественным благом, его нужно сделать таковым [8].

Список источников

1. Merton R. The Normative Structure of Science // *Sociology of Science. Theoretical and Empirical Investigations* / ed. by N.W. Storer. Chicago, IL : University of Chicago Press, 1973. P. 267–278.
2. Kitcher P. *The Advancement of Science: Science Without Legend, Objectivity Without Illusions*. New York ; Oxford : Oxford University Press, 1993. 432 p.
3. Longino H. *The Fate of Knowledge*. Princeton and Oxford : Princeton University Press, 2002. 233 p.
4. Масланов Е.В. Социальная позиция эксперта как новый элемент науки // *Эпистемология и философия науки*. 2021. Т. 58, № 2. С. 113–131.
5. Maslanov E. Post-Science in a Post-Modern World // *Social Epistemology*. 2022. Forthcoming.
6. Kitcher P. The Division of Cognitive Labor // *Journal of Philosophy*. 1990. Vol. 87, № 1. P. 5–22.
7. Pöyhönen S. Value of Cognitive Diversity in Science // *Synthese*. 2017. № 194. P. 4519–4540.
8. Fuller S. If Science Is a Public Good, Why Do Scientist Own It? // *Epistemology & Philosophy of Science*. 2020. Vol. 57, № 4. P. 23–39.

9. Stehr N. Knowledge as a Public Good and Knowledge as a Commodity // *Epistemology & Philosophy of Science*. 2020. Vol. 57, № 4. P. 40–51.
10. Sasser R. The Ubiquity of Public Science // *Epistemology & Philosophy of Science*. 2020. Vol. 57, № 4. P. 62–69.
11. Turner S. Science on Demand // *Epistemology & Philosophy of Science*. 2020. Vol. 57, № 4. P. 52–61.
12. Callon M. Is Science a Public Good? Fifth Mullins Lecture, Virginia Polytechnic Institute, 23 March 1993 // *Science, Technology, & Human Values*. 1994. Vol. 19, № 4. P. 395–424.

References

1. Merton, R.K. (1973) The Normative Structure of Science. In: Storer, N.W. (ed.) *Sociology of Science. Theoretical and Empirical Investigations*. Chicago, IL: University of Chicago Press. pp. 267–278.
2. Kitcher, P. (1993) *The Advancement of Science: Science Without Legend, Objectivity Without Illusions*. New York; Oxford: Oxford University Press.
3. Longino, H.E. (2002) *The Fate of Knowledge*. Princeton and Oxford: Princeton University Press.
4. Maslanov, E.V. (2021) Social Position of an Expert as a New Element of Science. *Epistemologiya i filosofiya nauki – Epistemology & Philosophy of Science*. 58(2). pp. 113–131. (In Russian). DOI: <https://doi.org/10.5840/eps202158232>.
5. Maslanov, E.V. (2022) Post-Science in a Post-Modern World. *Social Epistemology*. Forthcoming. DOI: 10.1080/02691728.2021.2000664
6. Kitcher, P. (1990) The Division of Cognitive Labor. *Journal of Philosophy*. 87(1). pp. 5–22.
7. Pöyhönen, S. (2017) Value of Cognitive Diversity in Science. *Synthese*. 194. pp. 4519–4540. DOI: 10.1007/s11229-016-1147-4.
8. Fuller, S. (2020) If Science Is a Public Good, Why Do Scientist Own It? *Epistemologiya i filosofiya nauki – Epistemology & Philosophy of Science*. 57(4). pp. 23–39. DOI: 10.5840/eps202057454
9. Stehr, N. (2020) Knowledge as a Public Good and Knowledge as a Commodity. *Epistemologiya i filosofiya nauki – Epistemology & Philosophy of Science*. 57(4). pp. 40–51. DOI: 10.5840/eps202057455
10. Sasser, R. (2020) The Ubiquity of Public Science. *Epistemologiya i filosofiya nauki – Epistemology & Philosophy of Science*. 57(4). pp. 62–69. DOI: 10.5840/eps202057457
11. Turner, S. (2020) Science on Demand. *Epistemologiya i filosofiya nauki – Epistemology & Philosophy of Science*. 57(4). pp. 52–61. DOI: 10.5840/eps202057456
12. Callon, M. (1994) Is Science a Public Good? Fifth Mullins Lecture, Virginia Polytechnic Institute, 23 March 1993. *Science, Technology, & Human Values*. 19(4). pp. 395–424.

Сведения об авторе:

Столярова О.Е. – кандидат философских наук, доцент, старший научный сотрудник. Межрегиональная общественная организация «Русское общество истории и философии науки» (Москва, Россия). E-mail: olgastoliarova@mail.ru

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Information about the author:

Stoliarova O.E. – Candidate of Philosophical Sciences, Senior Researcher, Interregional Non-Governmental Organization “Russian Society for History and Philosophy of Science” (Moscow, Russian Federation). E-mail: olgastoliarova@mail.ru

The author declares no conflicts of interests.

Статья поступила в редакцию 11.05.2022;
одобрена после рецензирования 20.07.2022; принята к публикации 26.08.2022
The article was submitted 11.05.2022;
approved after reviewing 20.07.2022; accepted for publication 26.08.2022